

крестного привлечения источников из французских и российских архивов и частных коллекций.

1. Les sources de l'histoire de France en Russie. Guide de recherche dans les archives d'Etat de la Fédération de Russie à Moscou (XVIe-XXe siècle). Publié par Bruno Delmas, Eugène Starostine et Grigori Lanskoï. Paris, 2010.
2. Lesure M. Les sources de l'histoire de Russie aux Archives Nationales. Paris-La Haye, 1970; Mézin A. Correspondance des consuls de France à Saint-Pétersbourg (1713 - 1792). Paris, 2009. См. также: Les archives de l'Est et la France des Lumières: guide des archives et inédits. 2 t. / Sous la direction de Georges Dulac et Sergueï Karp. Ferney-Voltaire, 2007.
3. РГАДА - Российский государственный архив древних актов, ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации, РГАСПИ - Российский государственный архив социально-политической истории, РГАНИ - Российский государственный архив новейшей истории, РГВИА - Российский государственный военно-исторический архив, РГВА - Российский государственный военный архив, РГАЛИ - Российский государственный архив литературы и искусства, РГАЭ - Российский государственный архив экономики, РГАНТД - Российский государственный архив научно-технической документации, РГАКФД - Российский государственный архив кинофотодокументов, РГАФД - Российский государственный архив фонодокументов
4. РГИА - Российский государственный исторический архив, РГАВМФ - Российский государственный архив военно-морского флота.
5. Les sources de l'histoire de France en Russie... P. 5.

Васара В.-Т.

Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии.

1920 - 1930-е гг. представляют собой во многом интересный период в истории Финляндии. Но нужно заметить, что

эти первые примерно 20 лет после получения Финляндией независимости еще не полностью раскрыты в финской историографии. Особенно вопросы, касающиеся многочисленных попыток определения финской идентичности, и сопутствующие им явления, в том числе весьма негативное отношение к русским, до сих пор не получили достаточного внимания у финских историков. В финской историографии существует довольно незначительное количество исследований, посвященных крайне негативному отношению финнов к русским. Обычно работы, касающиеся данной темы, посвящены какому-то отдельному периоду или аспекту. Вопрос самоидентификации всегда был очень важен для финнов, в данном случае было необходимо обозначить отличия от русских. Тема является проблематичной

В финской историографии существуют две основные теории о происхождении весьма отрицательного отношения к русским: во-первых, теория зачатой враждебности, и, во-вторых, мнение о том, что крайне негативное восприятие русских явилось результатом правой политики в первые годы независимости Финляндии. Согласно сторонникам первой теории, финны и русские всегда являлись врагами, и эта враждебность будет продолжаться вечно. Согласно этой теории, зачатая враждебность представляет собой естественную, неизменную ненависть, которая основана на изначальной противоположности русских и финнов. Ненависть ко всему русскому является объективным фактом, без которого не существует русско-финских отношений /1/. В межвоенный период стали подчеркивать именно корни такой вечной неприязни. В плане этнического происхождения, религии, а также в политическом устройстве финны не были «русскими».

Сторонники второй теории подчеркивают, что та ненависть к русским, которая господствовала в период Первой республики Финляндии, не имела корней в далеком прошлом, а была результатом «белого» проекта по укреплению финской идентичности в межвоенный период. По этой теории, основой нена-

висти к русским были расовые идеи начала XX в. и она была необходимой для объединения финского народа после гражданской войны 1918 г. против общего внешнего врага /2/. В этом отношении, центральным вопросом в деятельности финских крайних правых сил в 1920-ые - первой половине 1940-ых гг. была ненависть ко всему русскому - «рюссявиха», которая в разные времена проявилась по-разному. Само слово «рюсся» (от шведского - рюсс - русский) - финское оскорбительное слово для русских, а слово «виха» по-фински значит «ненависть». Кстати говоря, интересным фактом является то, что когда в большинстве европейских языков используется слово «руссофобия», в финском языке есть отдельное слово для ненависти к русским, а не только заимствование. Но что же конкретно «рюссявиха» представляла собой? Охарактеризовать ее только как руссофобию нельзя. Фобия выражает, прежде всего, непреодолимый страх, а сущность «рюссявихи» не настолько однозначна. Правда, страх был одним из ее элементов, особенно с середины 1930-ых гг., но, например, те упрямство и бесстрашие, которые в начале 1920-ых гг. вели молодых так называемых «солдат-соплеменников» добровольно против намного более сильного врага, невозможно охарактеризовать как страх. В «рюссявихе» были, безусловно, элементы расизма, реакционности, уверенности в превосходстве финнов над русскими, но многие «белые активисты» характеризовали ее просто любовью к отечеству. На наш взгляд, прежде всего, она была основана на отрицательных предрассудках, касающихся русских. Таким же неоднозначным вопросом является ее происхождение в Финляндии.

Хейкки Луостаринен, автор некоторых работ об образе русских в Финляндии пишет, что возникновение общеевропейской руссофобии датируется периодом после окончания наполеоновских войн /3/. Во Франции и Швеции причиной появления руссофобии, вероятно, являлось изменение в политической карте послевоенной Европы, а в Англии, прежде всего, полити-

ческие и торговые противоречия за пределами Европы. Однако, как отмечает Луостаринен, начиная с XVII в. в европейских странах на Россию смотрели через призму резкого культурного этноцентризма, а не в контексте общеевропейского развития культурной и политической жизни /4/. Во второй половине XIX в. европейская руссофобия получила новый аргумент: начались распространяться расовые теории о неполноценности русских. Они стали особенно популярными в Германии, где в связи с объединением страны руссофобия и германская расовая теория пользовались чрезвычайной популярностью. Частично через Швецию эти идеи распространились сначала в среду шведскоязычных финнов, а после гражданской войны 1918 г. более широко /5/.

Исследователь Кари Таркиайнен, который известен, прежде всего, благодаря исследованиям истории финнов в Швеции, в некоторых своих трудах рассматривает средневековое представление о русских в общеевропейском масштабе. Таркиайнен в своих исследованиях пришел к выводу, что в Европе отрицательное отношение к русским появилось после объединения русских земель вокруг Москвы, особенно после 1478 г., когда Иван III завоевал Новгородскую феодальную республику /6/. Уже в средневековой Европе образ русских воспринимали как противоположность европейской религии, культуре и обществу. Русских часто описывали коварными, вероломными, распутными «стадными животными», которые свое время проводили пьянствуя и воруя /7/. Очевидно, что эти западно-европейские представления распространялись в Финляндию из Швеции. То, что касается Швеции, нужно заметить что, это негативное представление в дальнейшем имело также политическую функцию, когда его можно было использовать в качестве рычага для управления настроениями, особенно в годы русско-шведских войн.

Безусловно, Северная война, и особенно «Великое лихолетье» в дальнейшем повлияло на финское представление о

русских. «Великое лихолетье» охватывает период 1712 - 1721 гг., т. е. время русской оккупации Финляндии в Северной войне. Традиционно финская историография считает эти годы временем катастрофы, когда около 5000 финнов были убиты русскими, особенно систематичным было насилие в провинции Похьянмаа. Также, по разным источникам, 10 - 20 тыс. финнов было вывезено в Россию, например, на строительство Санкт-Петербурга /8/. Йоуко Вахтола в своем общем обзоре истории Финляндии также признает, что часто, особенно в годы самой горячей «руссявихи», у финских историков была тенденция преувеличивать отрицательные стороны поведения русских оккупантов, но все же, безусловно, характерными чертами «Великого лихолетья» были насилие, убийства, уничтожение материального имущества финнов и воровство. Однако, Вахтола справедливо отмечает, что таким же образом вели себя и шведские войска в Германии, Польше и Прибалтике /9/. Как бы то ни было, устные рассказы и легенды об «ужасных русских» передавались из поколения в поколение, и впоследствии многие из этих рассказов обрели также письменную форму.

Исследователь Раймо Ранта пишет о том, что уже в середине XVIII в. русских купцов, проживающих в Финляндии, обвиняли в разных вещах, даже когда они не были никаким образом связаны с ними. К русским не привыкали и они не привыкали к местным обычаям, которые казались для них странными /10/. Особенно язык и религия отличали русских от местного населения. За ними наблюдали внимательно, и их возможность приспособиться к финскому обществу была минимальной, так как, например, браки между русскими и финнами строго осуждались в финском обществе /11/.

Но хотя вышеназванные события оставили о себе плохое впечатление на страницах финской истории, всё же нельзя говорить о каком-то всеобщем представлении финнов о русских как о заклятых врагах. Например, не стоит отрицать тот факт, что после присоединения Финляндии к Российской империи, в об-

щем, отношение финнов к русским и России было положительным. Только во второй половине XIX в., когда тенденции русификации стали усиливаться, общее мнение стало изменяться. Об этом свидетельствует также тот факт, что в 1826 - 1917 гг. около 60 тыс. финнов переехали в Санкт-Петербург /12/. В 1880 г. в Петербурге проживало 24 400 финнов, тогда как в столице Финляндии насчитывалось 38 700 жителей /13/. Кари Иммонен вообще пишет о том, что «Партия активного сопротивления Финляндии» («Суомен активинен вастустуспуолу») была основана в 1905 г. именно с целью уничтожить лояльность к царю среди финского народа /14/. В общем, Иммонен подчеркивает, что русско-финские отношения автономного периода были хорошими, и делает вывод, что в это время в Финляндии не было никакой всеобщей ненависти к русским, а, наоборот, в то время отношения финского и русского народов улучшились. Однако, например, Эркки Синкко пишет о том, что еще в 1890 г., при обсуждении укрепления положения русского языка в Великом княжестве Финляндском, в стране относительно спокойно относились к требованиям увеличения часов преподавания русского языка в финских школах, так как были уверены в том, что русский язык для финнов настолько отвратителен, что увеличение преподавания не может улучшить положения главного языка Российской империи в Финляндии /15/.

На самом деле, до Первой мировой войны доля русских в Финляндии оставалась маленькой, что в свою очередь показывает отдаленность Великого княжества Финляндского от метрополии. Первые официальные данные о русских в Финляндии появились в первой половине XVIII в. Русские стали обосновываться в Финляндии в результате мирных договоров 1721 и 1743 гг. Эти первые переселенцы были в основном крепостными, которых перевезли на территорию Финляндии. Например, на стальной завод в Райволе, основанный в 1802 г., привезли около 600 русских крепостных в качестве рабочей силы. Русские колонии оставались отдельными населенными пунктами, но в

это время в карельские города начали более активно приезжать русские. В 1812 г. 12% городского населения были русскими /16/. После того, как Финляндия вошла в состав Российской империи, так называемая «Старая Финляндия», т. е. Выборгская губерния стала в 1812 г. официальной частью Финляндии. При этом те русские крепостные, которые находились на территории «Старой Финляндии», получили свободу и гражданство Великого Княжества Финляндского. Во время автономии нахождение русских на территории Финляндии было связано, прежде всего, с торговлей и другим предпринимательством. В середине XIX в. около 40% предпринимателей Хельсинки были русскими, а в Выборге их доля была уже 50% /17/. У русских предпринимателей были не очень близкие отношения с местным населением, но со временем возникали более тесные связи, благодаря бракам с шведскоязычным высшим классом Финляндии. В период с 1870 по 1900 гг. доля русских в Хельсинки уменьшилась с 12,1% до 4,7% /18/. Такая тенденция развития была заметна также и в других финских городах. В 1910 г. постоянное место жительства в Финляндии имели 7 400 русских /19/. Кроме этого, на её территории находились русские военные, которых накануне Первой мировой войны насчитывалось 125 тыс. Также, в летнее время на территории Финляндии побывало до 100 тыс. русских туристов /20/. В конце 1917 г., когда Финляндия получила свою независимость, в стране постоянно проживало около 6000 русских, а также на ее территории находилось около 40 тыс. русских солдат /21/. Во время гражданской войны в Финляндии русских солдат буквально изгнали из страны, но, тем не менее, по приказу К. Г. Э. Маннергейма царским офицерам разрешили остаться в стране /22/. Следовательно, можно предположить, что в Финляндии не возникало значительных этнических конфликтов между русскими и финнами, поскольку русских в стране было слишком мало. Наверное, самое известное в финской историографии представление темы «рюссявихи» принадлежит профессору Матти Клинге. В его книге «От Братства по ненависти к

национал-социализму» /23/ отдельная глава посвящена «рюссявихе». По мнению Клинге, «рюссявиха» не имела исторических корней в Финляндии, а она возникла лишь в 1917 - 1918 гг. Согласно Клинге, эта ненависть имела идеологический, а не национальный характер; она усилилась в начале 1920-ых гг. только благодаря антирусской пропаганде. Клинге также ссылается на исследователя Куллерво Сиикалу /24/, который считал, что «рюссявиха» возникла именно из-за гражданской войны. Таким образом, Клинге пренебрегает значением войн XVIII в. и годами русского угнетения на рубеже XIX - XX вв. при формировании «рюссявихи».

В свою очередь, Ристо Алапуру пишет в своей работе об истории Академического карельского общества, о том, что «рюссявиха» получила в 1918 г. более публичные формы и стала широко известной /25/. По мнению историка Эрки Синкко, обсуждение «рюссявихи», и особенно ее масштабов, находится в Финляндии на ненадежной основе. Синкко считает, что процесс русификации /26/, вероятно, вызывал у финнов отвращение к России, но его основой, скорее всего, были государственные причины, и оно существовало лишь среди финской интеллигенции. Простонародье же по-прежнему верило в справедливость государя. Синкко также отмечает, что кроме жителей Карельского перешейка, контакты финского народа с русскими были незначительные, и общее представление финнов о русских было основано на газетной информации. Однако, без сомнения, уже в начале 1890-ых гг. в отношении финнов к русским можно было заметить пренебрежение. Но только в конце десятилетия оно широко распространилось и русских стали считать угнетателями, и их страные для финнов обычаи стали особо подчеркивать. Синкко делает вывод, что с этого времени можно говорить о всеобщей «рюссявихе» в Финляндии /27/.

В своей статье, посвященной влиянию 1918 г. на финскую историческую науку исследователь Хейкки Юликангас пишет о том, что хотя значению 1918 г., в частности, гражданской

войне Финляндии в финской историографии уделяли мало внимания, оно действительно имело сильное и длительное влияние для развития финской исторической науки /28/. Как широко известно, историю всегда пишут победители, в данном случае представители «белого» лагеря. Характерной чертой исторической литературы о гражданской войне, которая была издана в Финляндии в 1920 - 1930-ые гг. было то, что внутривластным причинам возникновения конфликта не уделили никакого внимания, а виновника искали вне границ молодого государства. Это имело важное значение для попыток объединения страны после раскола. Таким образом, в русских нашли идеального виновного. Как отмечает Юликангас, причину гражданской войны начали объяснить тем, что «красные» финны подверглись будоражающему влиянию русских коммунистов /29/. С этим связано также то, почему в «белой» истории стали подчеркивать характер гражданской войны именно как освободительный. При этом интересно также заметить, что несмотря на то, что в общем взгляды финско- и шведскоязычных историков в Финляндии Первой республики заметно отличались, категоричная отрицательность в отношении к русским объединила большинство финских историков того периода. Впоследствии, финская историческая наука межвоенного периода стала пренебрегать значением автономного времени для истории страны, и одним из любимых вопросов финских историков стал история восточной границы Финляндии /30/.

Историк Лаури Хювямяки во многом соглашается с мнением Хейкки Юликангас о том, что борьба «белой» Финляндии была не только вооруженной, но также идеологической. Свою роль в укреплении «белой» идеологии сыграли лютеранская церковь, журналисты и писатели. Идеологическая структура, созданная ими, впоследствии получила название «наследие гражданской войны». В «белой» идеологии в 1920 - 1930-ые гг. «красные» финны чаще всего называли «красными русаками», и использующие такой термин стремились отождествить «красных» финнов

с русскими /31/.

В своем исследовании о тайных расстрелах советских военнопленных в годы «войны-продолжения» Антти Куяла подчеркивает значение 1918 г. для формирования русофобии в Финляндии. По его мнению, именно тогда получила свое начало тенденция, в которой русских видели противоположными, чужими и зверскими для гуманных финнов /32/. По крайней мере после «зимней» и «войны-продолжения» «рюссявиха» стала общепринятой среди финнов.

Также и Катариина Косонен в своей работе, которая частично касается финских политических карикатур /33/, отмечает, что начиная с 1918 г. Россию стали изображать более агрессивной. Для большинства финских карикатуристов межвоенного периода Россия была страной хаоса, а духовная и физическая деградация стала главной темой политических карикатур. Важно также заметить, что в 1930-ые гг. русских больше не изображали старыми и хилыми, как раньше, теперь коммунистическая Россия изображалась злой, агрессивной и тревожной. В руках коммуниста был длинный нож, запачканный кровью финнов. Большевики бросились вперед, на Скандинавию, чиня разруху, и только финны могли их остановить, поэтому борьба против восточной угрозы стала святым долгом финнов /34/.

Исследователь Тойво Нюгорд отметил, что в начале 1920-ых гг. практически все финские соплеменные организации восприняли антирусские настроения. По его мнению, это легко понять, так как эти организации были основаны именно для оказания помощи карельским беженцам. Их существование не было бы возможным в Финляндии того времени, если бы они заняли более положительную позицию в отношении к России /35/.

Хочется также упомянуть докторскую диссертацию Оути Каремаа «Враги, преследователи и кровопийцы. Ненависть к русским в Финляндии в 1917 - 1923 гг.» /36/. В работе дается

оценка усилению негативного отношения в Финляндии ко всему русскому в первые годы независимости страны. Каремаа особо останавливается на вопросах о характерных чертах проявления этой ненависти. Исследование также освещает предпосылки возникновения Академического карельского общества и дает полное представление о том, в каком общественно-политическом контексте оно возникло. Безусловной заслугой автора является использование материалов не только финских архивов, но и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Итак, мы привели лишь некоторые мнения о происхождении антирусских настроений в Финляндии. Однако, справедливо отметить, что вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому остается до сих пор нерешенным. Доказать или опровергнуть ни первую ни вторую теорию невозможно из-за отсутствия достаточного количества источников. Хотя, скорее всего, надо поставить под сомнение тезис о зачатой враждебности, определить точно время и причины возникновения ненависти ко всему русскому является для исследователя весьма проблематичным.

1. Harle V., Moisio S. Missä on Suomi? Kansallisen identiteettipoliitikan historia ja geopolitiikka. Jyväskylä, 2000. S. 65 - 66.
2. Ibid. 67.
3. Luostarinen H. Suppea ryssäjahti // Tiedontutkimus 1/1984. S. 38.
4. Ibid. 39.
5. Ibid.
6. Tarkiainen K. De ryska "nationalegenskaperna" enligt svenk uppfatning i början av 1600-talet. Helsingfors, 1973. S. 19 - 20.
7. Ibid. S. 21; Immonen K. Ryssästä saa puhua... Neuvostoliitto suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918 - 1939. Keuruu, 1987. S. 38 - 43.
8. Подробнее см. например: Kankaanpää M. J. Suuri Pohjansota, Isoviha ja suomalaiset. Virrat, 2001.
9. Vahtola J. Suomen historia jääkaudesta Euroopan unioniin. Keuruu, 2004. S. 173.

10. Ranta R. Venäläinen kauppiaskunta ja sen kauppa Vanhassa Suomessa // Venäläiset Suomessa 1809 - 1917. Huhmari, 1984. S. 50.
11. Ibid. S. 64.
12. Immonen K. Ryssästä saa puhua... S. 56.
13. Engman M. Kaksoiskotka ja leijona. Nikolai Valapaton muistoja ja muita kuvauksia. Helsinki, 1992. S. 81.
14. Immonen K. Ryssästä saa puhua... S. 66.
15. Sinkko E. Venäläis-suomalainen lehdistöpolemiikki 1890 - 1894. Tampere, 1976. S. 82.
16. Vähemmistöt ja niiden syrjintä Suomessa. Toim. Dahlgren T., Kortteinen J., Lång K.J., Pentikäinen M. ja Scheinin M. Helsinki, 1997. S. 95.
17. Ibid.
18. Ibid. S. 96.
19. Ibid.
20. Ibid.
21. Ibid. S. 97.
22. Ibid.
23. Klinge M. Vihanveljistä valtiososialismiin. Yhteiskunnallisia ja kansallisia näkemyksiä 1910- ja 1920-luvuilta. Porvoo, 1972.
24. Siikala K. Kansallinen realismi. Jyväskylä, 1960.
25. Alapuro R. Akateeminen Karjala-Seura. Ylioppilasliike ja kansa 1920- ja 1930-luvulla. Helsinki, 1973. S. 46 - 47.
26. В истории Финляндии годы 1899 - 1905 и 1908 - 1917 получили названия Первого и Второго периода угнетения. Период угнетения - это время усиленной русификации в Финляндии. Как таковая, политика русификации не была уникальным явлением в Европе рубежа XIX - XX вв., она не особенно отличалась от похожих стремлений других великих держав. В последней трети XIX в. консервативные политические силы России стали более активно требовать упразднения автономных прав Финляндии. На желание объединить империю повлияло также совершение процесса объединения Германии, хотя в это время нападение Германии на Россию через территорию Финляндии было маловероятным.
27. Sinkko E. Venäläis-suomalainen lehdistöpolemiikki 1890 - 1894. S. 133.
28. Ylikangas H. Vuoden 1918 vaikutus historiatieteessä // Vaikea totuus. Vuosi 1918 ja kansallinen tiede. Toim. Heikki Ylikangas. Tampere, 1993.

- S. 93.
29. Ibid. S. 98.
30. Ibid. S. 103 - 104.
31. Hyvämäki L. Sinistä ja mustaa. Tutkielma Suomen oikeistoradikalismista. Helsinki, 1971. S. 77 - 78.
32. Kujala A. Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa. Juva, 2008. S. 140.
33. Kosonen K. Interpreting Maps in the Press. Paper Presented at the International Geographical Union World Political Map Conference on Nationalism and Identities in a Globalized World. Maynooth, 1998.
34. Harle V., Moisio S. Missä on Suomi? S. 87.
35. Nygård T. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen? Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Keuruu, 1972. S. 136.
36. Karemaa O. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä. Venäläisviha Suomessa 1917 - 1923. Helsinki, 1998.

V. Историческая антология.

Е. В. Тарле

Эльзас-Лотарингский вопрос накануне Великой европейской войны. (*)

Стремление Франции к возвращению Эльзас-Лотарингии не было непосредственной причиной войны, и, собственно, за все сорок четыре года ни разу Германия не имела причины опасаться, что французская республика объявит ей войну из-за Эльзас-Лотарингии. Но отторгнутые провинции создали между Германией и Францией непроходимую пропасть, явственный отказ Франции нравственно санкционировать Франкфуртский договор поддерживал ту общую неуверенность в прочности европейского мира, которая вызвала гигантский и повсеместный рост вооружений. «Из Франции всегда до нас доносится как бы вой ветра в трубе в осеннюю бурю», - таковы слова, приписываемые Бисмарку. Не подлежит никакому сомнению, что и франко-русский союз и франко-английское соглашение, приведшее к тройственному согласию, были в серьезнейшей степени обусловлены отторжением Эльзас-Лотарингии. В последние годы во Франции было целое общественное течение, склонявшееся к идее примирения с Германией, на основе дарования этой области широкой автономии (Жорес, Эрве) и создания из нее как бы буфера между двумя державами. Но это течение не имело в общем никакого успеха. «Расчлененная родина», «обезображенная граница», «братья, стонущие под ярмом» - вот что отвечала полемика на все призывы к компромиссному решению трагического вопроса. В конце концов оправдалось предсказание Бисмарка, что Франция (даже если и не самолично начнет войну) всегда примет участие во *всякой* антигерманской коалиции...

На очень немногих страницах, которыми мы располага-